

Скажи, в чем наша состоит вина?
Не в том ли, что душа у нас полна
Любви к Христу, что мы всегда готовы
Святое имя защищать Христово?

Дороже жизни имя это нам».
Префект ответил, помолчав немного:
«Иль нашим жертву принести богам,
Или от вашего отречься бога
Должна ты, – вот к спасению дорога».
С улыбкой, осветившей ей уста,
Ответила любимица Христа:

«Судья мой, принуждая к отреченью
От горней чистоты, меня ты сам
На тяжкое толкаешь преступленье. -
Лукавит он, – ужель не ясно вам?
Ведь это видно по его глазам».
«Молчи! – вскричал префект, – ни слова боле!
Про власть мою ты не слыхала, что ли?

Что воле ты подчинена моей,
Тебе – скажи! – ужели неизвестно?
В моих руках и жизнь и смерть людей.
Гордыню брось, – гордыня неуместна».
Она в ответ: «Я говорила честно,
Не гордо, – ибо гордости порок
Нам ненавистен и от нас далек.

Коль не боишься правды, то скажу я
Тебе во всеуслышанье, судья:
Сейчас изрек ты похвальбу пустую,
Сказав: «И жизнь и смерть дарую я».
Не так уж безгранична власть твоя.
Что жизнь отнять ты можешь, я согласна,
Но в остальном ты хвастаешь напрасно.

Скажи, что смерть в руках своих несешь,
И прав ты будешь; все же остальное -
Лишь похвальба бесстыдная и ложь».
Префект сказал: «Смирись передо мною

И жертву принеси! Глаза закрою
На то, что ты со мной груба была;
Закон философа – не помнить зла.

Но не стерплю, чтоб ты мне поносила
Богов, которыми гордится Рим».
Она ответила: «Судья немилый,
За время, что с тобой мы говорим,
Ты каждым словом убеждал своим,
Что как чиновник ты годишься мало
И быть тебе судьбою не пристало.

Поражены, должно быть, слепотой